

Теоретические подходы к устойчивости конкурентных президентских систем на примере Уругвая и Чили

А.Ю. ВАРШАВСКИЙ*

МИД России (Россия)

Аннотация

Статья посвящена анализу основных теоретических подходов к исследованию выживаемости президентских политических систем в современной сравнительной политологии. В центре внимания находится проблема выживаемости демократий в условиях институциональных, социально-экономических и культурных вызовов, проявившихся после третьей волны демократизации. Автор предлагает сосредоточиться на анализе трёх аналитических направлений — институционального, исторического и социокультурного, которые в совокупности формируют целостную исследовательскую рамку для понимания факторов стабильности современных политических систем с избираемым главой исполнительной власти. В качестве сравнительных примеров рассматриваются Уругвай и Чили как одни из наиболее устойчивых конкурентных президентских систем Латинской Америки, где после завершения периодов авторитарного правления были восстановлены выборные институты, сохранена партийная конкуренция и сформированы устойчивые практики коалиционного взаимодействия. Показано, что устойчивость президентских систем определяется качеством их функционирования, характером взаимодействия политических акторов и степенью институционализированности правил политической конкуренции. Особое внимание уделяется роли механизмов ограничения власти, согласованности элитных стратегий и способности политических институтов интегрировать социальные интересы. Во второй части раскрывается историческая перспектива, объясняющая устойчивость через долгосрочные траектории развития, закреплённые ключевыми поворотными моментами. Делается акцент на институциональной памяти и воспроизводстве практик, которые снижают вероятность резких отклонений от сложившегося порядка, но одновременно могут усиливать инерцию и затруднять реформы. Далее анализируются социокультурные объяснения, связывающие устойчивость с уровнем развития, социальным неравенством, политическим участием и ценностными ориентациями. В заключении статьи на основании кейсов Уругвая и Чили делается вывод о том, каким образом устойчивость современных президентских систем формируется через взаимодействие институтов, исторического наследия, социально-экономических условий и социокультурных характеристик политического развития.

* *Варшавский Арсений Юрьевич* – третий секретарь Посольства России в Никарагуа. МИД России.

E-mail: arsenyvarshavsky@gmail.com

Ключевые слова

полиархия, неоинституционализм, исторический институционализм, тропа зависимости, критические развилки, политическая культура, Латинская Америка, Уругвай, Чили

Для цитирования

Варшавский А.Ю. (2026). Теоретические подходы к устойчивости конкурентных президентских на примере Уругвая и Чили. *Управление и политика*. 5(2). С. 23–40. DOI: 10.24833/2782-7062-2026-5-2-23-40

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Проблематика условий сохранения политических систем представительного типа на протяжении последних десятилетий занимает одно из ключевых мест в сравнительной политологии. Дискуссия в этой области приобрела более содержательный характер в ходе третьей волны демократизации¹ и продолжилась после её завершения. Это было обусловлено совокупностью проблем устойчивости, с которыми столкнулись государства, вступившие на путь институциональных преобразований, испытывая при этом серьёзные трудности в условиях ускоренной модернизации и формирования стабильных электоральных, социальных и управленческих институтов (Huntington, 1991, p. 30).

В настоящей статье стабильность политического порядка анализируется через взаимодействие формальных и неформальных правил в понимании Д. Норта. К первым относятся законы и конституционные нормы, ко вторым – традиции, обычаи и негласно признанные практики. В совокупности они связаны с уровнем политической культуры и историческим опытом представительного

правления, что позволяет рассматривать их как факторы долговременного воспроизводства системы (North, 1990).

В качестве эмпирических примеров для конкретизации теоретических положений настоящей статьи используются кейсы Уругвая и Чили. Оба государства пережили авторитарные периоды во второй половине XX в., восстановили конкурентные формы правления и сохранили президентскую систему. В каждом случае длительное функционирование конкурентного политического порядка опиралось на разные институциональные траектории. Для Уругвая ключевыми факторами стали фракционная структура партий, переговорные практики и традиция участия оппозиции в принятии решений. Для Чили особое значение имели сильная президентская власть, коалиционная логика партийной конкуренции и поставторитарные механизмы согласования. Сопоставление этих стран позволяет предметно показать, как институциональный, исторический и социокультурный подходы раскрывают разные основания стабильности президентских систем.

¹ По терминологии С.Хантингтона, третья волна демократизации затрагивала период с 1974 по 1991 годов. – *прим. автора*.

Неоинституциональные подходы анализа стабильности президентских политических систем

Концептуальной отправной точкой в современной дискуссии об устойчивости систем с политическим соперничеством выступает разработанная в середине 1950-х годов Р. Далем и Ч. Линдбломом теория полиархии, которая описывает представительные системы с институционализированной политической конкуренцией (Dahl & Lindblom, 1953). Р. Даль выделяет следующие политические институты полиархического порядка: выборы должностных лиц; свободные, честные, часто проводимые выборы; свобода выражения; альтернативные источники информации; автономия ассоциаций и всеобщие гражданские права (Dahl, 2005). В последующих работах он подчёркивает, что долгосрочная устойчивость конкурентной политической системы определяется их практической эффективностью. Данный подход дополняет О.М. Соловьёв, рассматривая институты как единство организации, норм и отношений (Соловьёв, 2003).

Анализируя политические институты, Г. О’Доннелл обращает внимание на «конституциональную структуру полиархии», включающую как постоянные механизмы власти в виде парламента и судов, так и периодические, например, выборы (O’Donnell, 1994, p. 5). Такая структура задаёт границы участия акторов, регулирует их взаимодействие с социальными группами и формируют механизмы представительства. Через правила и процедуры они закрепляют предсказуемые модели поведения между участниками политического процесса и агрегируют интересы, обеспечивая долгосрочную устойчивость политического порядка (O’Donnell, 1994, p. 7). Эти характеристики лежат в основе

концепции либерально-конституционного устройства, ориентированного на ограничение исполнительной власти через разделение властей и систему сдержек и противовесов (Mechkova & Lührmann, 2017).

Целесообразно отметить, что с начала демократических переходов в президентских системах Латинской Америки в 1980-1990-е гг. в сравнительной политологии сохраняется устойчивый интерес к конфигурациям, способствующим консолидации соревновательных систем. В литературе подчёркивается значение транзитов, основанных на межэлитных соглашениях и сопровождаемых реформированием политических правил (Karl, 1990). Количественные исследования показывают, что согласие ключевых акторов и институционализация партийных, законодательных и судебных структур являются важными условиями стабильности в посттранзитный период (Guo & Stradiotto, 2014; Lowenthal & Bitar, 2015; Elster et al., 2018).

В современных работах уделяется внимание связи между устойчивостью демократических систем, поведением акторов и качеством электоральных процессов. Рассматривая президентские системы Латинской Америки,

С. Мэйнуоринг и А. Перес-Линьян обращают внимание на значение устойчивых демократических предпочтений элит и регионального контекста (Mainwaring & Pérez-Liñan, 2013, p. 13). В схожей логике выделяется конструктивная роль оппозиционных партий и институционализированной конкуренции в снижении конфликтности и упорядочении соперничающих интересов участников политического процесса (Svolik, 2015; Hicken, 2020). Дополнительное значение имеет «конституционный консенсус», при котором граждане и элиты признают легитимность существующих процедур (Pevnick, 2024). В этом отношении

Г. Мунк указывает на полиархию как «необходимый минимум демократии» (Munck, 2010).

Одно из центральных мест в формировании поведения политических акторов в демократических системах играют электоральные институты. А. Пшеворский указывает, что выборы поддерживают ожидание возможности институционализированных перемен (Przeworski, 2019). Устойчивость полиархий также прямо коррелирует с конкурентными электоральными процедурами, автономией государственных институтов и координированным взаимодействием элит и граждан (Freidenberg, 2024, p. 31). В трактовке

В. Меркеля и А. Люрманн стабильность означает способность системы, институтов и её участников воспроизводить демократический порядок в условиях внутренних и внешних вызовов (Merkel & Lührmann, 2021, p. 6). Легитимность институтов, таким образом, формируется через достижение заявленных целей, соответствие культурным нормам и установленным пределам политической власти (March & Olsen, 2005, p. 16).

Неоинституциональный подход показывает, что устойчивость президентских систем зависит от взаимодействия легально-правовых институтов, неформальных норм и установок элит и граждан. В логике С. Левитски и Д. Зиблатта стабильность демократических систем обеспечивается сочетанием конституционных ограничений и неписаных правил политического поведения (Levitsky and Ziblatt, 2018, p. 13).

Исторический подход к анализу стабильности президентских полиархий

Междисциплинарный характер политической науки, сформировавшийся в 1960-1970-х гг., послужил основой

развития «нового институционализма» (неоинституционализма), в рамках которого институты рассматриваются как совокупность формальных и неформальных правил, укоренённых в социальном взаимодействии, культуре и историческом контексте (Meyer & Rowan, 1977; DiMaggio & Powell, 1991). На основании работ Б. Мура, С. Хантингтона, Т. Скочпол и Ч. Тилли исторический институционализм получил самостоятельное оформление как направление, изучающее факторы, определяющие траектории социально-политических изменений (Moore, 1966; Huntington, 1968; Skocpol, 1979; Tilly, 1994). Метод сравнительного исторического анализа сохраняет широкое применение в исследованиях устойчивости демократий.

Исторический институционализм трактует эволюцию политических систем как непрерывный процесс, в рамках которого изменение укоренённых институтов происходит постепенно. Стабильность такого порядка обеспечивается сочетанием формальных и неформальных ограничений, организованных в иерархические структуры, трансформация которых сопряжена с более высокими издержками, чем их сохранение (North, 1990, p. 22).

Формирование институционального порядка инициируется критическими развилками, представляющими собой переломные моменты, сопровождающиеся радикальными изменениями в управленческих структурах и доминирующих установках. Такие события создают условия для выбора новой траектории развития, в рамках которой институты адаптируются и эволюционируют (Collier and Collier, 2002; Thelen, 1999; Munck, 2022; Carroccia, 2016, p. 3).

В политологическом сообществе сложился консенсус относительно того, что критические развилки приводят

к долгосрочным изменениям, воспроизводимым после утраты первоначальными факторами своего непосредственного воздействия (Scully, 1992; Roberts, 2014; Munck, 2022, p. 9). Они являются «критическими» именно потому, что задают институциональные траектории, изменение которых впоследствии оказывается крайне затруднённым (Mahoney, 2001; Pierson, 2004).

В результате формируется тропа зависимости, определяющая дальнейшую динамику через адаптацию акторов к установленным институциональным рамкам. Прошлые решения и события ограничивают спектр будущих политических и социальных изменений (Thelen, 2000; Pierson, 2004; Carroccia & Kelemen, 2007.; Патцельт, 2012; Bernhard, 2015). С точки зрения автора настоящей статьи, сопоставление концепций «критической развилки» и «тропы зависимости» позволяет утверждать, что ключевые переломные события задают направление институционального развития политической системы, тогда как её долговременная устойчивость обеспечивается механизмами воспроизводства выбранной траектории. При этом, как отмечают Дж. Капоччия и А. Соренсен, часть трансформаций происходит постепенно и не имеет чётко фиксированной исходной точки (Carroccia, 2016, p. 2; Sorensen, 2022).

Устойчивость институциональных траекторий в рамках тропы зависимости обеспечивается двумя ключевыми механизмами: возрастающей отдачей и реактивной последовательностью. Возрастающая отдача описывает процесс самоусиления (*self-reinforcing process*), при котором первоначальный институциональный выбор закрепляется и со временем делает альтернативные траектории развития экономически и политически затратными. В результате события,

произошедшие в конкретный исторический момент, приобретают определяющее значение для долгосрочной динамики развития государства (Thelen, 1999, p. 392; Pierson, 2004).

Реактивная последовательность представляет собой иной механизм тропы зависимости и характеризуется цепочкой событий, чаще всего конфликтного характера, которые воспринимаются как неизбежные и формируют новую траекторию развития политической системы (Mahoney, 2000: 509; Pierson, 2004; Arestis & Sawyer, 2009). Она включает эпизоды обратного действия (*backlash processes*), радикально трансформирующие первоначальные институциональные установки. Каждое последующее событие в такой последовательности одновременно является реакцией на предшествующие процессы и источником дальнейших изменений (Beyer, 2010; Martin & Sunley, 2010; Munck, 2016, p. 19).

По мере развития государственной организации в рамках выбранной траектории происходит укоренение самоподдерживающихся процессов, проявляющееся в политической мобилизации, институционализации правил и формировании устойчивых ценностных ориентаций. Данный процесс соотносится с понятием исторической обусловленности А. Стинчкомба, согласно которому прошлые процессы продолжают воспроизводиться после исчезновения первоначальных условий (Stinchcombe, 1968). Анализ институциональной динамики в длительной перспективе позволяет выявлять устойчивые причинно-следственные связи. П. Пирсон и Т. Скочпол подчёркивают, что долгосрочные институциональные эффекты следует рассматривать как побочные результаты социальных процессов, а не как прямое следствие целерационального поведения акторов. В более поздних исследованиях акцент делается

на роли политических акторов в формировании направлений институционального развития (Pierson & Skocpol, 2002, p. 14).

Устойчивость соревновательных политий во многом зависит от демократической традиции, при этом её развитие шире логики тропы зависимости. Д. Коллер и Дж. Мунк предлагают концепцию институционального наследия, понимаемого как совокупность самовоспроизводящихся последствий критических развилок (Collier & Munck, 2017). Такие последствия сохраняются благодаря действию механизмов воспроизводства (mechanisms of reproduction). Современные работы связывают наследственную природу конкурентных систем с реактивными последовательностями, создающими эффекты, превосходящие возможные отклонения институционального развития.

А. Перес-Линьян и С. Мэйнуоринг развивают эту линию через концепцию «наследия режима», которая акцентирует влияние исторического прошлого на текущее качество демократии и возможность институционального восстановления после авторитаризма (Pérez-Liñán and Mainwaring, 2013). Их выводы показывают, что наличие демократического наследия является ключевым фактором качества демократии после третьей волны демократизации. В качестве примера исследователи приводят Уругвай и Чили², где сохранение партийной системы и независимой судебной власти сыграло решающую роль в восстановлении

демократических институтов, подтверждая значение институциональной памяти и преемственности для долгосрочной устойчивости политической системы.

Социокультурные подходы к анализу стабильности президентских полиархий

Классическим вкладом в изучение устойчивости систем с институционализированным политическим соперничеством является работа С.М. Липсета, в которой стабильность связывается с экономическим развитием (Lipset, 1959). Липсет выделяет благосостояние, индустриализацию, урбанизацию и образование как факторы сохранения выборно-соревновательной политики, подчёркивая особую роль образования в расширении политического участия и легитимации институтов (Lipset, 1959, p. 75).

Модель Липсета стала предметом дискуссий, прежде всего в части связи между экономическим развитием и устойчивостью демократии. В исследованиях подчёркивается, что экономическое развитие скорее способствует выживанию установившихся демократий, чем их формированию (Przeworski and Limongi, 1997, p.4). Инклюзивные институты, в свою очередь, могут предшествовать экономическому росту и становлению устойчивых форм политического соперничества (Acemoglu, Johnson et al., 2008, p. 832).

Этот тезис развивается в работах, посвящённых социально-экономическим факторам устойчивости. В частности,

² В Уругвае в 1973-1985 гг. действовал гражданско-военный авторитарный режим, характеризовавшийся роспуском парламента, ограничением политических прав и существенным усилением роли вооружённых сил в управлении государством. В Чили в 1973-1990 гг. установилась военная диктатура во главе с А. Пиночетом, основанная на персоналистском военном правлении, приостановке действия демократических институтов, систематических репрессиях и глубокой институциональной трансформации политической системы. – *прим. автора.*

высокий уровень образования и доходов положительно связан с выживаемостью выборно-соревновательных политий, тогда как наличие обратной зависимости не подтверждается (Murtin & Wacziarg, 2014). Для президентских стран Латинской Америки особое значение придаётся качеству образовательных систем, влияющих на функционирование институтов и гражданскую вовлечённость (Boulding C. E. & Nelson-Nuñez, 2014; Rød E. G., Knutsen, 2020).

Другое направление исследований связывает устойчивость с перераспределением доходов и снижением издержек для элит (Boix & Stokes, 2003). В этой логике институты представительства могут сохраняться даже при высоком уровне неравенства, если обеспечивают предсказуемость политического процесса и защиту ключевых элитных интересов. Чрезмерное социальное расслоение при этом способно ослаблять легитимность, снижая доверие граждан к эффективности политического участия (Ansell & Samuels, 2018).

В то же время теория дистрибутивного конфликта как объяснение устойчивости институтов подвергается эмпирической критике. Исследования с применением метода каузального анализа (causal process observation) показывают ограниченность объяснительной силы показателей социального неравенства в долгосрочной перспективе, указывая на необходимость учитывания качества институтов, общественной вовлечённости и международного контекста (Haggard & Kaufman, 2012).

Несмотря на это, теория модернизации продолжает занимать важное место в дискуссиях об устойчивости полиархий. В рамках условной теории модернизации (*conditional modernization theory*) экономическое развитие рассматривается как фактор, формирующий благоприятную

среду для устойчивости демократии (Treisman, 2020). Рост благосостояния расширяет средний класс, доступ к образованию и распространение ценностей самовыражения. На устойчивость институтов оказывает влияние также совокупное развитие институциональной и социальной среды, включая образование, здравоохранение, урбанизацию, технологическое развитие и административный потенциал (Rød E. G., Knutsen C. H., Negr, 2020). В этой логике доходы выступают важным, но не определяющим фактором устойчивости.

Социально-экономические условия устойчивости систем тесно связаны с политической культурой и демократическими ценностями. Начало изучения данной взаимосвязи было положено Г. Алмондом и С. Вербой, которые рассматривали политическую культуру как совокупность устойчивых ориентаций граждан и подчёркивали, что демократия нуждается в ценностном и поведенческом основании (Almond & Verba, 1963). Культура, поддерживающая гражданскую активность, плюрализм и толерантность, выступает условием легитимности и устойчивости полиархий.

Эти идеи получили развитие в работах Р. Инглхарта и К. Вельцеля, которые связывают устойчивость либеральной демократии с доминированием ценностей самовыражения (Inglehart & Welzel, 2005). В интерпретации

А. Морлино политическая культура отражает систему установок и убеждений, влияющих на восприятие политических институтов и роли граждан в политическом процессе (Morlino et al., 2004). Массовое распространение гражданских ценностей способствует институционализации демократии, однако их формирование ограничивается в условиях низкой социальной и политической защищённости (Inglehart & Welzel, 2005:

173; Gorodnichenko & Roland, 2015; Ruck, Matthews & Atkinson, 2020).

Современные исследования фиксируют положительную связь культурных установок с инновационной активностью, качеством управления и антикоррупционной политикой. Экономическое развитие расширяет ресурсы граждан и спектр их политических действий (Williams & McGuire, 2010; Kumar, Giridhar & Sadarangani, 2019; Dangelico, Fraccascia & Nastasi, 2020; Čábelková & Strielkowski, 2013; Kluch & Vaux, 2017). При этом С. Далум и К. Х. Нутсен не подтверждают прямого влияния ценностей самовыражения на устойчивость политической системы (Dalum & Knutsen, 2016).

Влияние ценностей самовыражения также трактуется опосредованно, через уровень развития политических институтов. В рамках институционального подхода демократия рассматривается как система конкурентного участия, где ключевыми параметрами выступают политическое участие и конкуренция, что подчёркивается в работах Т. Ванханена (Vanhanen, 2019). Статистический анализ показывает, что увеличение доли малых партий положительно коррелирует с устойчивостью выборно-соревновательных политических систем (Norris, 2011; Møller & Skaaning, 2014).

Сравнительный анализ устойчивости президентских систем Уругвая и Чили

После рассмотрения основных теоретических подходов, видится целесообразным обратиться к примерам Уругвая и Чили в качестве двух особых случаев устойчивых конкурентных президентских систем Латинской Америки. Оба государства прошли через авторитарные периоды, восстановили выборные институты и сохранили многопартийную

конкуренцию (Pérez-Liñán & Mainwaring, 2013). Их сопоставление примечательно тем, что стабильность в каждом случае складывалась через разное сочетание президентских полномочий, партийной организации, исторической преемственности, социально-экономических условий и политической культуры.

В Уругвае институциональная устойчивость президентской системы связана с сочетанием значимых полномочий главы государства и высокой фракционной организованности партий. Президент обладает заметными инструментами влияния в сфере законодательной инициативы, бюджета, вето, назначения министров и срочного рассмотрения законопроектов. При этом партийные секторы сохраняют автономию, а парламентское согласование остаётся необходимым условием проведения политической программы (Chasquetti & Buquet, 2004).

Уругвайская партийная система исторически строилась вокруг двух традиционных партий – Партии Колорадо (Partido Colorado) и Национальной партии (Partido Nacional, Blanco), возникших в XIX в. и постепенно превратившихся в широкие политические объединения с устойчивыми внутренними фракциями (Buquet, 2016). В этой связи применительно к Уругваю важно учитывать особый тип партийной организации, при котором коалиционность проявляется внутри самих партий. В современной партийно-политической системе страны особое место занимает коалиция «Широкий фронт» (Frente Amplio), представляющая собой объединение левых и левоцентристских сил, каждая из которых являет собой отдельную партийную структуру (Buquet, Chasquetti & Moraes, 1998; Варшавский, 2019).

В Чили институциональный баланс складывался на иной основе. Президент обладает значительной

повесткообразующей ролью, бюджетной инициативой и инструментами определения приоритетности рассмотрения законопроектов (Alemán & Navia, 2009). Отсутствие у главы государства права роспуска Национального конгресса усиливает значение парламентского согласования и делает поддержку союзников необходимым условием реализации правительственного курса (Siavelis, 2016). После восстановления демократии в 1989 г. чилийская партийная конкуренция была организована вокруг крупных коалиционных блоков. Объединение левых и левоцентристских партий «Консертасьон» (Concertación de Partidos por la Democracia) стало главной демократической силой поставленного периода. Правоцентристская коалиция «Альянса» (Alianza por Chile) сформировала второй полюс новой партийной системы. Тем не менее длительное доминирование «Консертасьон» с 1990 по 2010 гг. показало, что устойчивость чилийского президентства обеспечивалась не только полномочиями главы государства, но и способностью межпартийных блоков поддерживать парламентское согласование на протяжении нескольких электоральных циклов (Alemán & Navia, 2009; Siavelis, 2016; Alemán, Cabezas & Calvo, 2021).

Институциональный опыт Уругвая и Чили показывает, что устойчивость систем с сильными конституционными президентскими полномочиями может обеспечиваться за счёт развитой партийной организации и регулярных механизмов парламентского согласования. выполняют фракционная структура партий, автономия внутренних секторов и переговорные практики. В Чили сходную роль играют межпартийные коалиции, обеспечивающие парламентскую поддержку президентской повестки. В обоих случаях стабильность президентской системы поддерживается регулярным

согласованием интересов между главой государства, партиями и парламентскими фракциями.

Историческая траектория Уругвая демонстрирует значение раннего формирования партийных идентичностей для устойчивости президентской системы. «Колорадо» постепенно закреплялась как сила, связанная с Монтевидео, городскими слоями, секулярной повесткой и централизованным пониманием государственной власти. «Бланко» опиралась на сельские департаменты, местные элиты и традицию территориальной автономии. Во второй половине XIX в. это противостояние сохраняло конфликтный характер, поскольку Колорадо чаще контролировала центральную власть, тогда как Бланко добивалась участия в управлении через давление региональных сил и вооружённые выступления. Пакт апреля 1872 г. стал результатом такого конфликта и закрепил институт территориального соправления (coparticipación), при котором представители «Бланко» получили управление рядом департаментов и были включены в политический процесс (Buquet & Moraes, 2018). Конституция 1918 г. институционализировала элементы дуалистической исполнительной власти и стала важным этапом балансирования между основными партийными силами (Buquet & Moraes, 2018). Коллегиальные формы управления и система двойного одновременного голоса, позволявшая партиям выдвигать несколько списков кандидатов от разных фракций, укрепили практики распределения влияния, внутрипартийной фракционности и межпартийного согласования (Chasquetti & Buquet, 2004; Buquet, 2016). В результате партии постепенно превратились в сложные организационные структуры, где внутренняя конкуренция сочеталась с устойчивыми правилами представительства (Buquet, 2016).

Во второй половине XX в. устойчивость уругвайской партийной системы проявилась в её способности интегрировать новые политические силы. Экономические трудности модели импортозамещения, рост социальной мобилизации и усиление левых настроений ослабили способность «Колорадо» и «Бланко» представлять расширявшийся спектр общественных интересов. На этом фоне в 1971 г. возникла партия «Широкий фронт», объединившая в себе широкий спектр представителей левых и левоцентристских движений. Победа «Широкого фронта» на выборах 2004 г., последовавшая за его возвращением в легальное политическое пространство после диктатуры, показала, что уругвайская партийная система сохранила способность к институциональной интеграции новых политических сил (Vuquet & Piñeiro, 2016). В этом отношении уругвайский опыт демонстрирует, что устойчивость президентской полиархии зависит от исторической преемственности партий и их способности адаптироваться к социальным изменениям.

Чилийская партийная система формировалась через последовательное наложение нескольких линий политического конфликта. Первоначально устойчивые партии возникли вокруг размежевания между клерикальными и секулярными силами, связанного с ролью церкви в государстве и общественной жизни (Scully, 1992). В первой половине XX в. этот раскол был дополнен социально-классовыми противоречиями, связанными с ростом профсоюзов, массовой политики и идеологических движений. Конституция 1925 г. закрепила президентскую

республику с прямыми выборами главы государства и отделением церкви от государства, создав институциональную основу для дальнейшего развития партийной конкуренции (Valenzuela, 1999). К середине прошлого столетия в партийной системе страны укрепились христианско-демократическое, социалистическое, коммунистическое, радикальное, либеральное и консервативное направления, выражавшие разные социальные группы и политические программы (Scully, 1992). Партийная конкуренция в Чили, таким образом, приобрела устойчивую социальную и идеологическую основу, что усиливало организационную прочность партийной системы (Luna, 2024).

Военный переворот 1973 г. стал травматической развилкой для чилийского политического развития. После плебисцита 1988 г. и восстановления конкурентного электорально-выборного порядка партийная система была реорганизована вокруг раскола «демократия – авторитаризм» (Варшавский, 2025). На этой основе «Консертасьон» объединила левоцентристские и центристские силы, выступавшие за демократический переход через институциональные процедуры. «Альянса» консолидировала правые партии, включая силы, связанные с либерально-консервативной повесткой поставторитарного периода. В результате политическая конкуренция после восстановления демократии стала развиваться преимущественно через два крупных блока, которые структурировали парламентскую поддержку президента и распределение ответственности в системе управления (Siavelis, 2016). Биноминальная избирательная система³,

³ Биноминальная система, введённая в Чили в 1989 г., предусматривала выборы в 60 двухмандатных округах. Мандаты обычно распределялись между двумя крупнейшими списками, что стимулировало укрупнение коалиций и ограничивало шансы независимых кандидатов и малых партий. – прим. автора.

введённая в 1989 г., институционально закрепила такую конфигурацию, ограничив фрагментацию и побуждая партии к участию в широких коалициях (Gamboa & Morales, 2016). Избирательная реформа 2015 г.⁴ изменила стимулы представительства и расширила пространство для малых партий, сохранив коалиционное согласование как важное условие президентско-парламентского взаимодействия (Gamboa & Morales, 2016; Alemán, Cabezas & Calvo, 2021).

Социокультурные и социально-экономические условия формировали разные основания устойчивости президентских систем Уругвая и Чили. В Уругвае партийная конкуренция развивалась в среде длительного секуляризма, гражданского образования и публичных дебатов. Эти условия укрепляли устоявшуюся традицию переводить политический конфликт в парламентские, внутрипартийные и переговорные процедуры (Caetano, 2016). Приход «Широкого фронта» к власти в 2004 г. показал способность партийной системы включать левую повестку в существующие правила конкуренции. Социальные реформы 2000-2010-х гг. усилили связь между политическим представительством, социальной инклюзией и доверием к институтам (Buquet & Piñeiro, 2016). В уругвайском случае устойчивость президентской полиархии поддерживалась политической культурой, ориентированной на признание общих правил и согласование интересов.

В Чили общественные основания устойчивости складывались в условиях экономической модернизации и коалиционного управления после восстановления демократии. Экономический рост

и межпартийные соглашения обеспечивали предсказуемость политического процесса и поддерживали институциональную стабильность (Siavelis, 2016). В последующие десятилетия снижение партийной идентификации, сохранявшееся социальное неравенство и протестная мобилизация после 2019 г. выявили разрыв между устойчивостью институтов и ожиданиями значительной части общества (Luna, 2024; De la Cerda, 2022). Чилийский случай показывает, что долгосрочная устойчивость президентской системы требует обновления каналов представительства, через которые партии и коалиции реагируют на запросы о перераспределении, участии и пересмотре сложившихся правил политического посредничества.

Сравнение Уругвая и Чили показывает, что устойчивость конкурентного президентства формируется через постоянные каналы согласования между сильной исполнительной властью, партиями и парламентом. В Уругвае такую стабильность обеспечивают фракционная организация партий, практики межпартийных договорённостей и политическая культура компромисса, сложившаяся через историческое включение оппозиции. В Чили её поддерживают коалиционное президентство, институциональная память поставторитарного перехода и электоральные правила, ориентировавшие партии на блоковую конкуренцию. Оба случая демонстрируют, что президентская система сохраняет стабильность, когда историческая преемственность, партийное представительство и социальные запросы получают институциональное выражение в предсказуемых

⁴ Реформа 2015 г. заменила 60 двухмандатных округов на 28 многомандатных, увеличила число депутатов со 120 до 155 и сенаторов с 38 до 50. Это повысило пропорциональность представительства и расширило возможности малых партий. – *прим. автора.*

процедурах политического посредничества. В этой связи Уругвай и Чили выступают в качестве наглядных примеров для анализа президентских систем, где сильная исполнительная власть действует в условиях многопартийности, парламентского представительства и развитых механизмов согласования интересов.

Выводы

В настоящей статье была рассмотрена эволюция и текущее состояние теоретических дискуссий, посвящённых анализу устойчивости полиархических политических систем. Сопоставление неинституциональных, историко-институциональных и социокультурных подходов позволяет выявить многомерный характер данного феномена и отказаться от редукционистских объяснений.

С позиций неинституционализма устойчивость полиархии определяется степенью институционализации формальных правил и устойчивостью неформальных норм, регулирующих поведение политических акторов и обеспечивающих воспроизводство процедур политической конкуренции. Исторический институционализм акцентирует внимание на критических развилках и траекториях развития, подчёркивая роль институциональной памяти и преемственности в долгосрочной стабилизации политических систем. Концепция институционального наследия дополняет данный подход, показывая, что элементы прошлых политических порядков могут выполнять стабилизирующую функцию в процессе восстановления демократических институтов.

Социокультурный подход позволяет выйти за рамки формально-институционального анализа и выявить роль политической культуры и ценностных ориентаций граждан как внутреннего ресурса устойчивости. В совокупности представ-

ленные теоретические рамки демонстрируют, что устойчивость полиархических систем формируется во взаимодействии институциональных структур, исторических траекторий и социокультурных факторов, а её поддержание зависит от способности политической системы адаптироваться к изменениям, сохраняя базовые принципы участия, конкуренции и подотчётности власти.

Проведённый анализ показывает, что устойчивость президентских полиархий формируется через взаимодействие институциональных правил, исторической преемственности и социокультурных условий. Сопоставление неинституциональной, историко-институциональной и социокультурной перспектив позволяет рассматривать устойчивость конкурентного политического порядка как результат совокупного влияния формальных институтов, неформальных норм, партийных структур и общественного признания политических процедур. В качестве эмпирического продолжения рассмотренных теоретических оснований используются примеры двух наиболее стабильных латиноамериканских президентских систем – Уругвая и Чили, где устойчивость президентских систем формировалась через разные сочетания институтов, партийной конкуренции и политической культуры.

Неинституциональная перспектива выявляет значение правил, процедур и норм, регулирующих поведение политических акторов и поддерживающих воспроизводство политической конкуренции. Исторический институционализм показывает роль критических развилки, институциональной памяти и наследия прошлых политических порядков в долгосрочной стабилизации системы. Социокультурный подход раскрывает значение политической культуры, социально-экономических условий и общественного признания конкурентных процедур.

Синтез этих подходов показывает, что устойчивость полиархии зависит от способности политической системы адаптироваться к изменениям при сохранении базовых принципов участия, конкуренции и подотчётности власти.

Пример Уругвая примечателен тем, что подтверждает значение институционализированной партийной конкуренции, исторической преемственности и политической культуры согласования для устойчивости президентской полиархии. В этом случае фракционность, межпартийные договорённости и включение новых политических сил выступают механизмами адаптации системы к социальным изменениям. Опыт Уругвая показывает, что сильная исполнительная власть может сохранять устойчивость в условиях развитых партийных структур, признанных процедур представительства и высокой готовности акторов к компромиссу.

Чилийский кейс раскрывает устойчивость президентской полиархии через способность коалиционной архитектуры удерживать политическую конкуренцию в управляемых институциональных

рамках. Центральное значение здесь имеет согласование президентской повестки с парламентской поддержкой, опирающееся на межпартийные блоки и институциональную память переходного периода. Такой механизм обеспечивал предсказуемость правительственного курса, распределение ответственности и сохранение управляемости в условиях сильного президентства. В долгосрочной перспективе опыт Чили показывает, что стабильность конкурентной системы требует регулярного обновления каналов представительства, через которые партии и коалиции реагируют на изменение социальных ожиданий и сохраняют доверие к процедурам политического согласования.

Рассмотренные подходы показывают, что устойчивость конкурентного президентства целесообразно анализировать через связь формальных полномочий, партийных структур и норм политического согласования. В такой перспективе стабильность выступает процессом, в котором управляемость, представительство и подотчётность власти поддерживаются в условиях меняющихся социальных ожиданий.

Received: September 16, 2026

Accepted: January 19, 2026

DOI: 10.24833/2782-7062-2026-5-2-23-40

UDC: 321

Political Science / Research article

THEORETICAL APPROACHES TO THE STABILITY OF COMPETITIVE PRESIDENTIAL SYSTEMS: THE CASES OF URUGUAY AND CHILE

Arseny Yu. Varshavsky, Third Secretary of the Embassy of Russia to Nicaragua.
Ministry of Foreign Affairs of Russia.
E-mail: arsenyvarshavsky@gmail.com

Abstract: This article examines the main theoretical approaches to the study of the stability of presidential political systems in contemporary comparative political science. The analysis centers on the problem of democratic survival in the context of institutional, socio-economic, and cultural challenges that have become particularly salient in the aftermath of the third wave of democratization. The author proposes concentrating on three analytical perspectives—institutional, historical, and sociocultural—which together form an integrated research framework for understanding the factors of stability in contemporary political systems with an elected head of the executive branch. Uruguay and Chile are examined as comparative examples of some of the most stable competitive presidential systems in Latin America, where, after the end of authoritarian rule, electoral institutions were restored, party competition was preserved, and stable practices of coalition interaction were established. The article shows that the stability of presidential democracies is determined by the quality of their functioning, the nature of interaction among political actors, and the degree of institutionalization of the rules of political competition. Particular attention is paid to the role of mechanisms that limit power, the coherence of elite strategies, and the capacity of political institutions to integrate social interests.

The second part examines the historical perspective, which explains stability through long-term trajectories of development shaped by key turning points. It emphasizes institutional memory and the reproduction of practices that reduce the likelihood of abrupt deviations from the established order, while also potentially reinforcing inertia and complicating reform. The third part analyzes sociocultural explanations that link stability to levels of development, social inequality, political participation, and value orientations. The conclusion, based on the cases of Uruguay and Chile, shows how the stability of contemporary presidential systems is formed through the interaction of institutions, historical legacies, socioeconomic conditions, and the sociocultural characteristics of political development.

Keywords: polyarchy, neo-institutionalism, historical institutionalism, path dependence, critical junctures, political culture, Latin America, Chile, Uruguay

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

- Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J. A., Yared, P. (2008). Income and democracy. *American Economic Review*, 98 (3), 808–842. DOI: 10.1257/aer.98.3.808
- Alemán, E., & Navia, P. (2009). Institutions and the legislative success of 'strong' presidents: An analysis of government bills in Chile. *The Journal of Legislative Studies*, 15(4), 401–419. DOI: 10.1080/13572330903302471
- Alemán, E., Cabezas, J. M., & Calvo, E. (2021). Coalition Incentives and Party Bias in Chile. *Electoral Studies*, 72, Article 102362. DOI: 10.1016/j.electstud.2021.102362
- Almond, G. A. & Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*, Princeton University Press, 574 p.
- Ansell, B. W., & Samuels, D. J. (2018). Why Inequality Not Undermine Democracy. *Cambridge University Press*, 1–46.
- Arestis, P. & Sawyer, M. (Eds.) (2009). *Path Dependency and Macroeconomics*, Palgrave Macmillan, 261 P.
- Bermeo, N. (2016). On democratic backsliding. *Journal of Democracy*, 27 (1), 5–19. DOI: 10.1353/jod.2016.0012
- Bernard, M. (2015). Chronic Instability and the Limits of Path Dependence. *Perspectives on Politics*, 13 (4), 976–991. DOI: 10.1017/S1537592715002261
- Beyer, J. (2010). The Same or Not the Same. On the Variety of Mechanisms of Path Dependence. *International Journal of Social Sciences*, 5 (1), 1–11.
- Boix, C., & Stokes, S. C. (2003). Endogenous democratization. *World Politics*, 55 (4), 517–549. DOI: 10.1353/wp.2003.0019
- Boulding, C. E. & Nelson-Nuñez, J. (2014). Civil Society and Support for the Political System in Times of Crisis. *Latin American Research Review*, 49 (1), 128–154. DOI: 10.1353/lar.2014.0015

Buquet, D., & Moraes, J. A. (2018). Construyendo un Equilibrio Democrático: La Reforma Constitucional de Uruguay en 1917. *Revista Uruguaya de Ciencia Política*, 27(1), 19–39. DOI: <https://doi.org/10.26851/rucp.27.1>

Buquet, D., & Piñeiro, R. (2016). The Quest for Good Governance: Uruguay's Shift from Clientelism. *Journal of Democracy*, 27(1), 139–151. DOI: 10.1353/jod.2016.0008

Buquet, D., Chasquetti, D., & Moraes, J. A. (1998). *Fragmentación Política y Gobierno en Uruguay: ¿Un Enfermo Imaginario?* Instituto de Ciencia Política, Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de la República.

Čábelková, I., Strielkowski, W. (2013). Is the Level of Taxation a Product of Culture? A Cultural Economics Approach. *Society and Economy*. 35 (4), 513–529. DOI: 10.1556/soc.2013.0007

Capoccia, G. (2016) When Do Institutions “Bite”? Historical Institutionalism and the Politics of Institutional Change. *Comparative Political Studies*. 49 (8), 1–33. DOI: 10.1177/0010414015626449

Capoccia, G., & Kelemen, R. D. (2007). The study of critical junctures: Theory, narrative, and counterfactuals in historical institutionalism. *World Politics*, 59 (3), 341–369. DOI: 10.1017/S0043887100020852

Chasquetti, D., & Buquet, D. (2004). La Democracia en Uruguay: Una Partidocracia de Consenso. *Política*, 42, 221–247.

Collier, D. & Munck, G. L. (2017). Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Critical Junctures. *Qualitative & Multi-Method Research*. 15 (1), 2–9.

Collier, R. B., & Collier, D. (2002). *Shaping the political arena: Critical junctures, the labor movement, and regime dynamics in Latin America* (2nd ed.). University of Notre Dame Press, 122 P.

Dahl, R. A. (2005). *On democracy* (2nd ed.). Yale University Press, 557 P.

Dahl, R. A., & Lindblom, C. E. (1953). *Politics, economics, and welfare: Planning and politico-economic systems resolved into basic social processes*. Harper & Brothers, 557 P.

Dalum, S. & Knutsen, C. H. (2016). Democracy by Demand? Reinvestigating the Effect of Self-Expression Values on Political Regime Type. *British Journal of Political Science*. 47 (2), 437–461. DOI: 10.1017/S0007123415000447

Dangelico, R. M., Fraccascia, L., Nastasi, A. (2020). National Culture's Influence on Environmental Performance of Countries: A Study of Direct and Indirect Effects. *Sustainable Development*. 28 (6), 1773–1786. DOI: 10.1002/sd.2123

De la Cerda, N. (2022). Unstable Identities: The Decline of Partisanship in Contemporary Chile. *Journal of Politics in Latin America*, 14(1), 3–30. DOI: 10.1177/1866802X211069378

De la Cerda, N. (2022). Unstable Identities: The Decline of Partisanship in Contemporary Chile. *Journal of Politics in Latin America*, 14(1), 3–30. DOI: 10.1177/1866802X211069378

DiMaggio, P. J., & Powell, W. W. (1991). Introduction. In W. W. Powell & P. J. DiMaggio (Eds.), *The new institutionalism in organizational analysis* (pp. 1–38). University of Chicago Press.

Elster, J., Gargarella, R., Naresh, V., & Rasch, B. E. (2018). *Constitution-making and transitions to democracy*. Cambridge University Press.

Freidenberg, F. (2024). Democracy in Latin America: Between Backsliding and Resilience. *Athena – Critical Inquiries in Law, Philosophy and Globalization*. 4 (1), 68–109. DOI: 10.6092/issn.2724-6299/19152

Gorodnichenko, Y., & Roland, G. (2015). Culture, institutions, and democratization. *Review of Economics and Statistics*, 97 (2), 492–506. DOI: 10.1162/REST_a_00473

Guo, S., & Stradiotto, G. A. (2014). *Democratic transitions: Modes and outcomes*. Routledge, 138 P.

Haggard, S., & Kaufman, R. R. (2012). Inequality and regime change: Democratic transitions and the stability of democratic rule. *American Political Science Review*, 106 (3), 495–516. DOI: 10.1017/S0003055412000287

Hicken, A. (2020). *The Role of Political Parties in Making Democracy Work*. V-Dem Institute. Briefing Paper #3.

Huntington, S. P. (1968). *Political order in changing societies*. Yale University Press, 499 P.

- Huntington, S. P. (1991). Democracy's Third Wave. *Journal of Democracy*. 2 (2), 12-34. DOI: 10.1353/jod.1991.0016
- Inglehart, R., & Welzel, C. (2005). Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence. Cambridge University Press, 344 P.
- Karl, T. L. (1990). Dilemmas of democratization in Latin America. *Comparative Politics*, 23 (1), 1-21. DOI: 10.2307/422302
- Kluch, S. P., Vaux, A. (2017). Culture and Terrorism: The Role of Cultural Factors in Worldwide Terrorism (1970–2013). *Terrorism and Political Violence*. 29 (2), 323-341. DOI: 10.1080/09546553.2015.1038523
- Kumar, S., Giridhar, V., Sadarangani, P. (2019). A Cross-National Study of Environmental Performance and Culture: Implications of the Findings and Strategies. *Global Business Review*. 20 (4), 1051–1068. DOI: 10.1177/0972150919845260
- Levitsky, S. and Ziblatt, D. (2018). *How Democracies Die*. Penguin Random House, 320 P.
- Lipset, S. M. (1959). Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy. *American Political Science Review*, 53 (1), 69-105. DOI: 10.2307/1951731
- Lowenthal, A. F. & Bitar, S. (2015). *Democratic Transitions: Conversations with World Leaders*. Johns Hopkins University Press, 488 P.
- Luna, J. P. Disjointed Polarization in Chile's Enduring Crisis of Representation (2024). *Latin American Politics and Society*. 67 (3), 1-3. DOI 10.1017/lap.2024.19
- Mahoney, J. (2000). Path dependence in historical sociology. *Theory and Society*. 29 (4), 507-548. DOI: 10.1023/A:1007113830879
- Mahoney, J. (2001). *The legacies of liberalism: Path dependence and political regimes in Central America*. Johns Hopkins University Press, 416 P..
- Mainwaring, S. & Pérez-Liñan, A. (2013). Democratic Breakdown and Survival. *Journal of Democracy*. 24 (2), 123-137. DOI: 10.1353/jod.2013.0037
- March, J. G. & Olsen, J. P. (2005). Elaborating the "New Institutionalism". *ARENA Working Papers*. 11, 1-28. DOI: 10.1093/oxfordhpb/9780199548460.003.0001
- Martin, R., & Sunley, P. (2010). *The place of path dependence in an evolutionary perspective on the economic landscape*. In R. Boschma & R. Martin (Eds.), *The handbook of evolutionary economic geography* (pp. 62–92). Edward Elgar.
- Mechkova, V., Lührmann, A. & Lindberg, S. I. (2017). How much democratic backsliding? *Journal of Democracy*. 28 (4), 162–169. DOI: 10.1353/JOD.2017.0075
- Merkel, W. and Lührmann, A. (2021). Resilience of democracies: responses to illiberal and authoritarian challenges. *Democratization*. 28 (5), 869-DOI: 10.1080/13510347.2021.1928081 884
- Meyer, J. W., & Rowan, B. (1977). Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony. *American Journal of Sociology*, 83 (2), 340-363.
- Møller, J. & Skaaning, S. (2014). *The Rule of Law: Definitions, Measures, Patterns and Causes*. Palgrave Macmillan, 2014, 210 p.
- Moore, B. (1966). Social origins of dictatorship and democracy: Lord and peasant in the making of the modern world. Beacon Press, 586 p.
- Morlino L. (2004). The Quality of Democracy: An Overview. *Journal of Democracy*. 15 (4), 20-31. DOI: 10.1353/jod.2004.0060
- Munck, G. L. (2010). Los Orígenes y la Durabilidad de la Democracia en América Latina: Avances y Retos de una Agenda de Investigación. *Revista de Ciencia Política*. 30 (3), 573-597.
- Munck, G. L. (2022). *The Theoretical Foundations of Critical Juncture Research: Critique and Reconstruction* / Collier D. and Munck G. L. (eds.) *Critical Junctures and Historical Legacies: Insights and Methods for Comparative Social Science*. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Murtin, F., & Wacziarg, R. (2014). The democratic transition. *Journal of Economic Growth*. 19 (2), 141–181. DOI: 10.1007/s10887-013-9100-6
- Norris, P. (2011). *Democratic deficit: Critical citizens revisited*. Cambridge University Press.

- North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University Press, 159 p.
- O'Donnell, G. (1994). Delegative democracy. *Journal of Democracy*. 5 (1), 55-69. DOI: 10.1353/jod.1994.0010
- Pérez-Liñán, A. and Mainwaring, S. (2013). Regime Legacies and Levels of Democracy: Evidence from Latin America. *Comparative Politics*. 45 (4), 379-397. DOI: 10.5129/001041513X13815259182785
- Pevnick, R. (2024). Democratic Stability and Backsliding. *Political Philosophy*. 1 (2), 514-544. DOI: 10.16995/pp.17029
- Pierson, P. (2004). *Politics in time: History, institutions, and social analysis*. Princeton University Press, 208 p.
- Pierson, P., & Skocpol, T. (2002). *Historical institutionalism in contemporary political science*. In I. Katznelson & H. V. Milner (Eds.), *Political science: The state of the discipline* (pp. 693–721). W. W. Norton.
- Przeworski, A. (2019). *Crises of democracy*. Cambridge University Press, 239 p. DOI: 10.1017/9781108671019
- Przeworski, A., & Limongi, F. (1997). Modernization: Theories and facts. *World Politics*. 49 (2), 155–183. DOI: 10.1353/wp.1997.0004
- Rød E. G., Knutsen C.H., Hegre H. (2020). The Determinants of Democracy: A Sensitivity Analysis. *Public Choice*. 185 (2), 87–111. DOI: 10.1007/s11127-019-00742-z
- Ruck, D. J., Matthews, L. J., & Atkinson, Q. D. (2020). The cultural foundations of modern democracies. *Nature Human Behavior*. 4 (3), 265–269. DOI: 10.1038/s41562-019-0769-1
- Scully, T. R. (1992). *Rethinking the Center: Party Politics in Nineteenth and Twentieth Century Chile*. Stanford University Press.
- Siavelis, P. M. (2016). Crisis of Representation in Chile? The Institutional Connection. *Journal of Politics in Latin America*, 8(3), 61–93. DOI: 10.1177/1866802X1600800303
- Skocpol, T. (1979). *States and social revolutions: A comparative analysis of France, Russia, and China*. Cambridge University Press, 407 P.
- Somer, M., McCoy, J., & Luke, A. (2021). Pernicious polarization and democratic backsliding. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 681 (1), 69–90. DOI: 10.1177/0002716218818781
- Sorensen, A. (2022). Taking critical junctures seriously: theory and method for causal analysis of rapid institutional change. *Planning Perspectives*. 38 (5), 929–947. DOI: 10.1080/02665433.2022.2137840
- Stinchcombe, A. L. (1968). *Constructing social theories*. Harcourt, Brace & World, 320 p..
- Svolik, M. W. (2015). Which democracies will last? The article. *Journal of Democracy*. 26 (4), 17–30. DOI: 10.1353/jod.2015.0065
- Thelen, K. (1999). Historical institutionalism in comparative politics. *Annual Review of Political Science*. 2, 369–404. DOI: 10.1146/annurev.polisci.2.1.369
- Thelen, K. (2000). Timing and temporality in the analysis of institutional evolution and change. *Studies in American Political Development*. 14 (1), 101–108. DOI: 10.1017/S0898588X00003011
- Tilly C. (1994). *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992*. Blackwell, 271 p.
- Treisman, D. (2020). Economic development and democracy: Predispositions and triggers. *Annual Review of Political Science*. 23 (1), 241–257. DOI: 10.1146/annurev-polisci-050718-043546
- Valenzuela, A. (1999). Chile: Origin and Consolidation of a Latin American Democracy. In L. Diamond, J. Hartlyn, J. J. Linz, & S. M. Lipset (Eds.), *Democracy in Developing Countries: Latin America* (2nd ed., pp. 191–247). Lynne Rienner Publishers.
- Vanhanen, T. (2004). *Democratization: A comparative analysis of 170 countries*. Routledge. DOI: 10.4324/9780203614501
- Williams, L. K. & McGuire, S. J. (2010). Economic Creativity and Innovation Implementation: The Entrepreneurial Drivers of Growth? Evidence from 63 Countries. *Small Business Economics*. 34 (4), 391–412. DOI: 10.1007/s11187-008-9145-7

Patzelt, V. (2012). Evolutsiya institutov, morfologiya i uroki istorii. Mozhno li izvlekat uroki iz istorii? *Politicheskaya nauka*, 3, 50–70. (In Russian)

Solovyov, O. M. (2003). *Politicheskie instituti*, SPbGU, 145 P. (In Russian)

Varshavsky, A. Y. (2019). Institutsional'nye osnovy vnutripartiinykh koalitsii v prezidentskikh sistemakh: primer Urugvaya. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 21(4), 673–686. doi: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-673-686 (In Russian)

Varshavsky, A. Y. (2025). Peremenchivaya ustoichivost': vseobshchie vybory v Chili kak institutsional'noe otrazhenie demokraticeskikh traditsii. *Sravnitel'naya politika*, 16(1), 89–111. DOI: 10.46272/2221-3279-2025-1-16-5 (In Russian)

Литература на русском языке:

Варшавский, А. Ю. (2019). Институциональные основы внутрипартийных коалиций в президентских системах: пример Уругвая. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 21(4), 673–686. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-673-686

Варшавский, А. Ю. (2025). Переменчивая устойчивость: всеобщие выборы в Чили как институциональное отражение демократических традиций. *Сравнительная политика*, 16(1), 89–111. DOI: 10.46272/2221-3279-2025-1-16-5

Патцельт, В. (2012). Эволюция институтов, морфология и уроки истории. Можно ли извлекать уроки из истории? *Политическая наука*, (3), 50–70.

Соловьёв О. М. *Политические институты*. Изд-во СПбГУ, 2003. 145 с.